

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ
ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ
XI--XII ВВ.

Эден Хоргоши

1. Мы поставили перед собой цель -- обратить внимание исследователей на проблематику лексики русской редакции древнеболгарского языка. Под этим термином мы понимаем язык древнерусских памятников XI--XII вв., имеющих тесную связь с древнеболгарским языком. Эти памятники, несомненно, были переписаны с древнеболгарского оригинала и отражают в разных сферах языка теснейшие контакты с протографами /см. об этом подробнее в книге К. Куева: "Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете", там статьи о Туровском евангелии, Саввиной книге, о Слуцкой и Евгениевской псалтырях/¹. В состав изучаемых нами памятников вошли те 11 кратких древнерусских памятников XI--XII вв., которые изучает коллектив кафедры русского языка Сегедского университета им. Аттилы Йожефа под руководством докт. фил. н. Имре Х. Тота при составлении словаря русской редакции древнеболгарского языка. В недалеком будущем ожидается издание первого тома этого словаря-индекса.

Прежде чем приступить к изложению доклада, мы хотели бы сказать, что мы не намерены здесь рассматривать терминологические вопросы, и внимание всех интересующихся проблематикой терминологии обращаем на статью докт. фил. н. Имре Х. Тота, опубликованной в сборнике в память проф. Э. Балецкого под заглавием: "К истории изучения русской редакции древнеболгарского языка"², и на его монографию "Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI -- начале XII вв.", вышедшей в Софии в 1985 г.³.

При составлении словаря-индекса мы собирали материал на основе следующих памятников: Слуцкая псалтырь /СПс/, Туровские Евангельские листки /ТЛ/, Ленинградская минея /ЛМ/, Житие Кондрата /ЖК/, Житие Феклы /ЖФ/, Евгениевская псалтырь /ЕПс/, Минея Дубровского /МД/, Бычковская псалтырь /БПс/, Саввина кни-

га /кирилловская часть, СК/, Реймское евангелие /кирилловская часть, РЕ/, Листок Викторова /ЛВ/. Общей чертой перечисленных рукописей является то, что, хотя они известны уже с давнего времени, они сравнительно мало изучены, давно были изданы, и их лексика в меньшей мере или только отчасти вошла в исторические словари древнеболгарского или древнерусского языков /отдельные слова, как например, вѣзвѣтъ РЕ [= ремень/ появляются уже в "Лексиконе" Ф. Миклошича /с. 86/, лексика ЖК, ЖФ, ЕПс находится и в "Материалах..." И.И. Срезневского, данные СПс и ЕПс входят в новый "Исторический словарь Чехословацкой АН"⁴, но лексика таких ценных памятников, как ТЛ, МД или РЕ не попала в исторические словари. К изучению лексики древнерусских рукописей XI--XII вв. кроме упомянутых пробелов лексикографии дали толчок и два высказывания относительно пополнения исторического словаря русского языка: В.В. Виноградов на IV Международном съезде славистов /Москва, 1958/ сказал следующее: "Исследование старославянизмов в лексической системе древнерусского языка сопряжено с большими затруднениями. Общий словарь дошедших до нас памятников старославянского языка не составлен. Словари Ф. Миклошича и А.Х. Востокова очень не полны. Дополнительная работа над лексикой древнеболгарских, древнесербских, древнерусских памятников по выделению в ее составе старославянских и последующих книжно-славянских словарных пластов также еще не произведена"⁵. Л.П. Жуковская, занимаясь этой же проблематикой, так пишет на страницах журнала "Вопросы языкознания" за 1972 г.: "На лексический фонд памятников, переведенных на старославянский язык и бытовавших в Древней Руси, исследователи обращают очень мало внимания. Не фиксируется словарь древнерусских богослужебных книг, формировавших словарь древнерусского образованного человека, и в составляющемся "Словаре древнерусского языка XI--XIV вв." В дальнейшем на эту те-

му Л.П. Жуковская пишет: "Исследование языка, и прежде всего лексики и синтаксиса, по спискам разных памятников все еще остается важной задачей в истории древнерусского и средневекового русского литературного языка"⁶. Сегедские исследования, возможно, будут способствовать восполнению этих пробелов.

2. Рассмотренные нами рукописи, по всей вероятности, относятся к концу XI или к началу XII века, и они могут служить достоверной информацией о лексике и лексических изменений древнеболгарского языка на Руси в конце XI и в начале XII веков. В наш словарь-индекс вошло более 3 тысяч словарных статей /проще -- слов/ со всеми своими грамматическими формами и появлениями в рукописях. Таким образом, специалисты по истории языка получают необходимую информацию как о состоянии фонетики и морфологии, так и о лексическом составе языка в данный отрезок времени формирования русского литературного языка.

При анализе собранных слов прежде всего бросается в глаза обильное наличие т. наз. дублетов древнеболгарского языка, например, гоанна -- уасъ, пастуъъ -- пастырь, уѣво -- ѣтрова, клепла -- знамена и пр., которым А.С. Львов в 1966 г. посвятил целую книгу /"Очерки по лексике памятников старославянской письменности"/⁷, но в таком же большом количестве наблюдаются и слова т. наз. *hарах legomena* то есть такие слова, которые известны только по одному единственному контексту /памятнику/ /см. подробнее о них в статье Р. Цейтлин: "О лексических особенностях старославянских памятников"⁸/.

Остановливаясь сначала на т. наз. дублетах, мы можем сказать следующее: из дублетов часто наблюдаются обе пары, например: клепати /ТЛ, СК/ -- знаменати /МД/, гоанна /ТЛ, РЕ/ -- уасъ /ТЛ, ЖК, СК, РЕ/, пастырь /ТЛ, РЕ/ -- пастуъъ /РЕ/, одръ /ТЛ/ -- ложе /ТЛ/ и др. Например: се же реуе клепага когею /смыръю прославить вѣ. Ио 21, 19 СК 162об 8, се же глааше клепаа. коге! ѣ смыртиѣ хоташе оумрѣти. Ио 12, 33

ТЛ 2а 14. Другая пара дублета: знамена въз са доуновениемь стаа-
го аѣа МД 1а 21 /см. Ягич⁹, А.С. Львов¹⁰/.

В наших материалах часто наблюдается только одна пара дублетов, например, имеется невесенъ, но нет невесаскъ, или широко употребляется гетеръ -- но редко некъин, имеется глагол мѣданти /мѣдациго же женнѣхоу. Мт 25, 6 ТЛ 5а 11/, но нет къснѣти. Перечень таких дублетов можно продолжать, но следует обратить внимание исследователей на то, что появляются и новые дублеты, например: плотьнъ /ЕПс/ и плотьскъ /ЕПс/: гѣть же пѣтъи нѣа тайны Пс 103, 3 ЕПс 10в 6, а другая пара: сирѣу не! възрѣхоу на трѣи дѣи пѣтъскыга. Авв. 3, 6 толк. ЕПс 16а 11.

Говоря о дублетах, мы можем упомянуть, что в нашей картеке имеется много таких слов, которые не зафиксированы историческими словарями, например, дублет: захариевъ и захариннъ /последнее слово зафиксировано словарем Садник-Айцетмюллера /СА/ по многим памятникам древнеболгарского языка¹¹/). Например: вси галъ естъ намъ захариннъ сѣнъ МД 15а 17, высть гѣи ѣжи изъ наноу захарни ноу сѣоу въ пѣстыни. Лк 3, 2 РЕ 10г 4-5; новая вариация: захариевъ плодъ неплодѣви цвѣтъць роиса ! днѣсь намъ МД 15об 8.

Как известно, лексические дублеты выделяются как однокоренные слова с разными суффиксами /ср. пастоухъ -- пастырь, но чаще всего они являются супплетивными формами /ср. година -- уасъ, урѣво -- ярова, искони -- испрѣва и др./). Эти дублеты иногда не только сдвоенные, но даже и строенные, например: дрьноль -- жрьдъ -- посохъ, или животъ -- жизнь -- житие и пр. Последняя "тройка" по нашему материалу становится даже "четверкой", так как к вышеуказанному ряду слов присоединяется и слово женского рода и-основы жить с тем же значением "жизнь, существование, Leben", например: Пѣнъ реуе молить вѣи да подвижить са зѣи мѣнаа жить страи хомь. и придетъ на разоуиз.

Пс 98, 1 толк. ЕПс 8а 20, или: Междѣ двояѣ жити гѣ познана
вѣдѣши. Авв. 3, 2 ЕПс 15а 8. Это древнее существительное и-
основы кроме ЕПс засвидетельствовано только в Супрасльской ру-
кописи XI в./ см. Словарь СА¹², В.В. Колесов¹³/.

Часто наблюдается, что дублиеты появляются с новыми суф-
фиксами, как это установлено у слова врьтоградникъ: онаг же
мынаши гано врьтоградѣ! никъ гѣсть. и гѣа гѣмоу Ио 20, 15 СК
159а 3-4, где вместо древнеболгарского суффикса -арь употреб-
ляется суффикс -никъ. Наблюдается, что производное слово с но-
вым суффиксом становится дублетом, например, к ряду слов намы,
намыкъ присоединяется и слово намыуць: намыуць не раскно-
мыи МД 13а 17.

Наш материал дает возможность и для проведения текстологи-
ческого анализа, поскольку можно обнаружить, что тот же еван-
гельский верш в разных местах одного и того же памятника появ-
ляется по-разному, например, в РЕ на месте Лк 2, 36, говоря о
пророчице Анне, читаем следующее: си заматорѣ вѣши въ дѣньхъ
мнозѣхъ. ! живѣши съ моужьмъ ! въ семь лѣтъ ѿ дѣвь ! ства своѣго
/РЕ 15б 15/ как вообще в древнеболгарских памятниках, но та же
евангельская цитата на листе бв 4-5 РЕ звучит так: си застарѣ-
вѣши [са] въ дѣньхъ мно ! зѣхъ... Слово застарѣти са не зарегист-
рировано историческими словарями¹⁴. Наши последние замечания
уже касаются вопросов появления новых слов в рукописях русской
редакции древнеболгарского языка. В одной своей статье Б. Ла-
рин пишет, что нет лучше для исторического лексикографа, чем
найти еще не зарегистрированное словарями слово¹⁵. Мы можем ска-
зать, что в наших материалах имеется несколько десятков таких
слов, которые не вошли в исторические словари. В церковносла-
вянской литературе -- особенно в поздней -- все чаще появляют-
ся сложные слова с целью более точно подчеркнуть то или иное
религиозное понятие или украсить речь, или с целью более де-
тально и поэтично выразить мысль или охарактеризовать облик
Христоса, богоматери или какого-либо святого. Таким образом,
создаются такие новые слова, как: богозрауьнъ /МД/, богонось

7МД/, вогородительница /МД/, великоглагольнъ /ЛМ/, великодарь-
нъ /МД/, всвблаженъ /МД/, всєтихъ /МД/, нержноственъ /МД/,
огневѣштаньнъ /МД/, лоучедательнъ /МД/ и пр. Особенно много та-
ких слов с префиксом -прѣ: прѣвожество /МД/, прѣблагодать /МД/,
прѣорженъ /МД/, прѣострѣ /МД/, прѣвнѣстость /МД/ и мн.др. Один
раз даже удалось зарегистрировать сам предлог прѣ /без конечно-
го -д!/, который - чрезвычайно редкая вещь в древнерусских ру-
кописях: ѡже ѡи оуготоваль. прѣ лицы мѣ всѣхъ лоудий Лк 2,
31 РЕ 66 5 /так читается и Л.П. Жуковской^{16/}, то же место на
листе РЕ 15а 14 написано так: прѣдъ лии цѣмь^{17/}.

Количество не зарегистрированных слов растет, между прочим,
вследствие такой лексикографической практики, что имена собст-
венные или географические названия не всегда попадают в исто-
рические словари, часто -- таким же образом -- и прилагатель-
ные, образованные от имен собственных. Перечислим некоторые из
них: ахан /ЖФ, ермѣнъ /ЖФ/, напеточлига /ЖФ/, ликиннѣвъ /МД/,
мурьсенеонъ /ЖФ/, мурьсенеоньскъ /ЖФ/, елисавѣфинъ /МД/, и еще
много таких слов, которые только по одному примеру входят в
наш словарь-индекс. Прилагательное ермѣнъ /ЖФ/, по данным
Имре Х.Тота. в дальнейшем списке ЖФ было исправлено на ермѣвъ^{18/}.

Кроме появления новых слов разного рода, наблюдаются и
слова в новом или редком значении, часто -- в переносном значе-
нии. Например, слово оутрѡба: в БПС употребляется в прямом значе-
нии: отъ оутрѡбы мѣре могоа вѣ мон вси ты: Пс 21, 11, а
другое значение слова наблюдается в толковании ЕПС: при глладахъ
въ сзніи тигѣ хѣо.и оубоа саі ятрова моа. сирѣчь! аша могоа
свѣсть ЕПС 17в 1. Это толкование к вершу Авв. 3, 16 Схранихъ
са и оубоа са сѣаце мого: ЕПС 176 18. Общеславянское слово
оутрѡба дублет /синоним/ по первому примеру к слову урѣво, но
обозначает и "внутренность", а также "душевное состояние" /ср.
А.С. Львов^{19/}, а из 'внутренностей', точнее, по нашим данным,
именно "сердце" /на это указывает и в своей публикации В.В. Ко-
лесов^{20/}.

В исследуемых нами памятниках появляются иногда весьма проблематичные слова, например, ДРАЗДА /ЕПС/, значение которого И.И. Срезневский дает с вопросительными знаками: грязь? болото?, трясины? В Описании Евгениевской псалтыри В.В. Колесов обращает наше внимание на проблематичное объяснение этого слова. Вот его контекст: Тѣлеса стѣихъ въ гровѣ глѣтъ гано въ лдѣ во въ драздѣ. сѣ мрътнѣи дрѣжима сѣтъ Пс 95, 12 толк. ЕПС 3б 8. В.В. Колесов предлагает здесь понимать "лес, роца"²¹, и он вполне прав, потому что это слово синоним /или лучше сказать фонетическая вариация/ к слову ДРАЗГА, которое зарегистрировано по Супрасльской рукописи. Словарь СА знает только последнее слово и только по Супрасльской рукописи²².

Таким же /даже более проблематичным!/ считается написание мъсть в МД. Вот целый контекст: Грозна съзрь въшаго недѣлана унста! иже прозаве. на дрѣвѣ егда оузьрь висима. ! възпнаше уадо сладкое. мъсть ми иснапла! и. нмѣже льсть пыганьства отъ иметь са: -/ МД 9а 19. М.Ф. Мурьянов в статье "О Минее Дубровского" детально истолковывает это слово в древнерусском тексте, с одной стороны, указывая на то, что в издании Э. Гранстрем неправильное словоделение /мъстми иснапла!²³/, а с другой -- выдвигая возможность описки разного рода /масть, мъсть/. В заключение Мурьянов устанавливает, что если слово мъсть не является опиской, тогда это доказывает следующее: "Так или иначе, славянские переводчики сумели справиться с трудностью -- с одной из множества трудностей, неизбежно возникших при распространении литургики из одной культурной зоны в другую"²⁴. Словарь СА свой единственный пример на употребление слова мъсть приводит из Супрасльской рукописи²⁵, и мы можем установить, что по примеру МД -- это первая регистрация слова в древнерусском тексте.

Расширяется лексика русской редакции древнеболгарского языка не только новыми словами и новообразованиями, но и фра-

зеологическими оборотами. И на это приведем один пример. Как известно, довольно часто наблюдается выражение по дѣломъ, например, И нѣсть по дѣломъ твоимъ: Пс 85, 8 ЕПс 1в 7, или вздаа тоі гда нмоужао по дѣлоі изъ него: Пс 95, 13 толк. ЕПс 3г 1. Очень близок к нему оборот: по дѣланью: правду дасть тоі гда върнѣимъ вагоі го мѣдовъзданьёі и неустивѣимъ ні грѣшьнѣимъ по дѣі аньё нѣ: Пс 95, 13 толк. ЕПс 3в 13. /Так это место и в БолПс²⁶/.

3.1. Занимаясь вопросами лексики русской редакции древнеболгарского языка, мы должны сделать несколько замечаний относительно слов иностранного происхождения, среди них -- грецизмы и праболгаризмы. Греческие заимствования проникли в язык древнерусских памятников до XV века двумя путями: через посредство древнеболгарского языка, книжным путем и непосредственно из живого греческого языка. Известно, что первые более точно передают фонетику греческого слова в его литературном произношении, а последние зачастую отражают народное произношение данного слова. Из книжных заимствований некоторые без изменений существуют дальше, но небольшое количество из них начинает претерпевать изменения или постепенно заменяются исконно русским словом /ср., например, олен /ТЛ, ЕПс, БПс/ и масло/. Из различных изменений приведем только одно -- это грецизмы с начальным 'о/а' в языке древнерусских памятников. Наш материал по этому вопросу служит ценным свидетельством: слово анагръ /= дикий осел/ как вариант слова анагръ /αναγρος/ греческого происхождения без перевода. По статье Г.И. Лукиной, анагръ употребляется по материалу картотеки "Словаря древнерусского языка" XI--XIV вв. в двух случаях: в первый раз в XIII, а второй раз в XIV в.²⁷. Мы можем сказать, что ЕПс содержит пример более раннего времени /XI в.!/ с начальным 'а': Жидать анагри въ жалі жадъ своѣ: Пс 103, 11 ЕПс 11г 20. Срезневский это слово приводит с начальным 'о', но указывает и ва-

риацию анагръ, именно по ЕПС, СА знает онагръ и аонагръ, Ягич не знает вариацию анагръ, только онагръ и инагръ /последнее считается опиской/²⁸. В.В. Колесов в своем издании ЕПС подчеркивает раннее появление древнерусского написания с начальным 'а', указывая на то, что в дальнейшем появился русский перевод этого места псалтыри: осли дивии²⁹.

3.2. Болгаризмы или, точнее говоря, праболгарские слова в древнеболгарском языке подробно и глубоко анализированы; здесь достаточно упомянуть замечания С. Младенова³⁰, К. Мирчева³¹, или А.М. Селищева³². На VII Международном съезде славистов /Варшава, 1973 г./ А.С. Львов посвятил этой теме свой доклад под названием "Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности /тюркизмы/"³³. Говоря об иноязычном влиянии, А.С. Львов устанавливает, что в сравнении с грецизмами, количество романских и германских слов незначительно, но наличие болгаризмов заметнее. В то время как по подсчетам С. Младенова их 11 слов, Л.С. Львов это число доводит до 40 /такие, как внѣръ, волѣринъ, волѣрьскъ, вьлѣга, ваганиге, капъ, напиште и пр.³⁴.

Русская редакция древнеболгарского языка по изученным нами памятникам также содержала несколько слов праболгарского происхождения, например, болгаринъ /ЖК/, напиште /МД/, коумиръ /ЕПС/, санъ, сановитъ /ЖК/, шарота /МД/. Мы не намерены здесь подробно заниматься этими заимствованиями, хотелось бы только обратить внимание исследователей на два интересных слова. Первое из них: шарота /МД/, которые упоминается не всеми словарями древнерусского языка. А.С. Львов в своем докладе /и в опубликованной по докладу статье/ не упоминал этого слова, ему были известны только слова: шаръ, шаръуни, шарописатель³⁵. И.И. Срезневский в III томе "Материалы для Словаря древнерусского языка" приводит следующие производные слова корня шаръ: шарити, шаровънын, шарописатель, шаротънын, шаръуни, шаръница, и конечно, и слово шарота³⁶. Наш пример из МД не цитиро-

ван И.И. Срезневским. Вот он: Бѣже подобити. вардоломѣ. шаро-
тами и дѣи тельми. прѣлжне написова. тѣмъ же апѣли сѣтъ сѣтво
ренъ. МД 9а 13. По нашему мнению, пример из МД принадлежит к
раннему появлению этого производного слова на русской почве.

Другой наш пример -- это не отдельное слово, а фразеологи-
ческий оборот. В ЕПС читаем следующее толкование: Иже глѣахъ
се сѣтъ вѣни вашн. а ти не вѣахъ вѣни. нъ коумирн нѣми: Пс 96,
7 толк. ЕПС 5а 7. Слово коумиръ хорошо известно по многим па-
мятникам /в Супрасльской рукописи кроме слова коумиръ употребля-
ются еще коумирслужение, коумирьница, коумирьскъ/ и в прабол-
гарском происхождении слова сомнений нет³⁷. Мы привели наш при-
мер вместе с его определением к дополнению синонимического ря-
да, перечисленного В.В. Виноградовым в его докладе на IV Между-
народном съезде славистов, когда он говорил об основных пробле-
мах изучения образования развития древнерусского литературного
языка. В.В. Виноградов привел следующий ряд этой семантичес-
кой конструкции: "кумиры глѣхн, болваны възгласныи, истука-
ныи вѣссловесныи" /Из Жития Стефана Пермского/³⁸, но цитиро-
ванного нами места не упоминал, не упоминает его и новый "Сло-
варь древнерусского языка"³⁹. Цитированное по ЕПС толкование
псалтыри так и по БолПС: кумирн нѣми⁴⁰. Наш пример из ЕПС XI в.
указывает на очень раннее существование этого словосочетания,
в котором употребление определения "нѣми" подчеркивает ха-
рактер языческих богов-кумиров, иностранных на русской почве:

4. Из нашего короткого обзора видно, что лексика русской
редакции древнеболгарского языка показывает пеструю картину, она
имеет общность с общеславянской лексикой, но в ней ярко наблюда-
ются и пласты древнейших переводов, отражающих кирилло-мефодиев-
скую традицию, и в то же время параллельно в ней появляются но-
вообразования, выделяются замены оригинальных /"первичных"/ слов
и выражений. Весь этот последний процесс служит основой создания
русской редакции древнеболгарского языка и дальнейшего обрусения
текстов высокой книжности.

Примечания

1. К.М. Куев. Судьбата на старобългарските ръкописи през вековете. Наука и Изкуство. София, 1979, с. 18--19, 20--21, 157--159.
2. Имре Х. Тот. К истории изучения русской редакции древнеболгарского языка. Russica. In Memoriam E. Balczky. Вр., 1983, pp. 99--110.
3. Имре Х. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI-- начале XII вв. София, 1985. Изд. Болгарской Академии наук.
4. И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Фотомеханическое издание /по изданию 1895--1902 гг/, I--III т. /Ср/.
Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958--1968, SAV.
5. В.В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. В сб.: Исследования по славянскому языкознанию. Изд. Академии наук СССР. М., 1961, с. 4--113, 36.
6. Л.П. Жуковская. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. ВЯ/5, 1972, с. 68.
7. А.С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. Изд. "Наука", М., 1966.
8. Р.М. Цейтлин. О лексических особенностях языка старославянских памятников. ВЯ/6, 1969, с. 39.
9. V. Jagić. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Neue Berichte und Erweiterte Ausgabe. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1913, p. 354.
10. А.С. Львов, 1966. Ук. соч., с. 146--150.
11. L. Sadnik -- R. Aizetmüller. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. Carl Winter -- Universitätsverlag -- Heidelberg, Mouten et Co-'s-Gravenhage, 1955, p. 164. /в дальнейшем: СА/.
12. СА. Ук. соч., с. 169.
13. В.В. Колесов. Евгениевская псалтырь. Материалы и сообщения по славяноведению. VIII. Сегед, 1972, с. 68.
14. Ягич. Ук. соч., с. 347.
15. Б.А. Ларин. Лексикология, История слов и лексикографии. В кн.: История русского языка и общее языкознание. М., Изд. "Просвещение", 1977, с. 11-13 и др.
16. Л.П. Жуковская. Реймское евангелие. История его изучения и текст. Предварительная публикация. Вып. III. М., 1978, с. 32.
17. СА. Ук. соч., с. 98: "als präp. nur Ps.117 b 18, wohl statt prædъ".

18. Имре Х. Тот. Житие Феклы. *Studia Slavica Hung.* XXII, 1976, p. 235.
19. А.С. Львов, 1966. Ук. соч., с. 275.
20. В.В. Колесов. Ук. соч., с. 68--69.
21. В.В. Колесов. Ук. соч., с. 68.
22. СА. Ук. соч., с. 22: *dręzga f. Wald /S/*.
23. Е.Э. Гранстрем. Греческие параллели к гимнографическим текстам "Минеи Дубровского". В сб.: *Русский язык. Источники для его изучения.* Изд. "Наука". М., 1971, с. 33.
24. М.Ф. Муроянов. О Минеи Дубровского. *ВЯ/1*, 1981, с. 129--132, 131.
25. СА. Ук. соч., с. 59: "*süsser Wein, Most /S/*".
26. Болонски псалтир. Български Книжовен Паметник от XIII век. Фототипно издание с увод и бележки от Иван Дуйчев. София, 1968. Изд. на БАН, с. 314 /в дальнейшем: БолПС/.
27. Г.Н. Лукина. Грецизмы с начальными о/а в языке древнерусских памятников XI--XIV вв. В сб.: *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка.* Изд. "Наука". М., 1969, с. 187--193, 189: "Вариант анагръ употреблен в двух случаях: *иждоу тя анагри в жажю свою Сб Яр XIII, 136 об.; анагръ мраволевъ не всть МПр XIV, 31 об./*". Первый пример Г.Н. Лукиной утверждает цитированное мнение Л.П. Жуковской /см. сноску 6/, что при составлении "Словаря XI--XII вв." некоторые памятники не приняли во внимание!
28. СА. Ук. соч., 76, СР. II. 671, Ягич. Ук. соч., с. 315.
29. В.В. Колесов. Ук. соч., с. 68.
30. Стефан Младенов. История на българския език. Превод и редакция на проф. д-р Иван Дуриданов от немското издание през 1929 г. София, 1979, Изд. на БАН, с. 82, 83, 206.
31. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. Наука и Изкуство, София, 1978, с. 83--84.
32. А.М. Селищев. Старославянский язык. Часть I. Учпедгиз. М., 1951, с. 33.
33. А.С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности /тюркизмы/. В сб.: *Славянское языкознание, VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* Изд. "Наука". М., 1973, с. 211--228.
34. А.С. Львов, 1973. Ук. соч., с. 212.
35. А.С. Львов, 1973. Ук. соч., с. 226--227.
36. И.И. Срезневский. Ук. соч., III. 1582.

37. А.С. Львов, 1973. Ук. соч., с. 217--218.
38. В.В. Виноградов. Ук. соч., с. 85.
39. Словарь русского языка XI--XVII вв. Вып. 8. Изд. "Наука", М., 1981, с. 118.
40. БолПС. Ук. соч., с. 315.